

Такъ ярко солнце, хочешь навсегда
 Ты мрачнымъ сдѣлаешь днемъ
 Взгляни! вокругъ снѣются цѣли горы,
 Какъ великаны, грозною толпой:
 Лучи зари съ крестами—ихъ уборъ:
 Мы вольны и добры;—зачѣмъ твой взоръ?

Летитъ къ странѣ другой?..

Повѣрь, отчизна тамъ, гдѣ любятъ насъ;
 Тебя не встрѣтитъ средь родныхъ долинъ,
 Ты самъ сказалъ, улыбка милыхъ глазъ;
 Побудь еще со мной хоть день, хоть часъ,
 Послушай! часъ одинъ!

онъ.

Нѣтъ у меня отчизны и друзей,
 Кромѣ булатной пашки и боня;
 Я счастливъ былъ любовью твоей,
 Но все таки слезамъ твоихъ очей

Не удержатъ меня.

Кровавой клятвой душу я свою
 Отяготивъ, блуждаю много лѣтъ:
 Покуда кровь врага я не пролью,
 Уста не скажутъ никому: люблю.
 Прости: вотъ мой отвѣтъ.

Девятый часъ; ужъ темно, близъ заставы
 Чернѣютъ рядомъ старыхъ пять домовъ,
 Заберъ кругомъ. Высокій, худощавый
 Привратникъ на завалинѣ готовъ
 Уснуть;—дожда не будетъ, небо ясно,—
 Весь городъ спитъ. Онъ долго ждалъ на-
 прасно;

Темны всѣ окна;—блещутъ только два—
 И тамъ... чѣмъ не богата ты Москва?

Но, чу!—Къ воротамъ кто-то подъѣзжаетъ.
 Лихія дрожки, кучеръ съ бородой
 Широкой,—кони черные.—Слѣзаетъ,
 Одѣтъ плащомъ, проказникъ молодой:
 Скрипитъ за нимъ калитка; подъ ногами
 Стучатъ, колеблясь, доски. (Между нами
 Скажу я, онъ ни чей не прервалъ сонъ).
 Дверь отворилась,—свѣчка. Кто тутъ?—Онъ!

Его узнала дѣва молодая,
 Снимаетъ плащъ и въ комнату ведетъ;
 Въ шандаль мѣдномъ, тускло догоралъ,
 Свѣча на нихъ свой лучъ послѣдній льетъ,
 И на кровать съ высокою периной
 И на стѣну съ лубочною картиной;
 А въ зеркалѣ съ противной стороны
 Два юныя лица отражены.

Она была прекрасна, какъ мечтанье
 Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
 Что красота? Ужель одно названье?
 Ель грудь высокая и гибкій станъ,
 Или большія очи? Но порою
 Все это не зовемъ мы красотою:
 Уста безъ словъ—любить никто не могъ,
 Взоръ безъ огня—безъ запаха цвѣтковъ!
 Она была свѣжа, какъ розы Леля,
 Она была похожа на портретъ

Мадонны—и Мадонны Рафаэля,
 И врядъ ли было ей осемнадцать лѣтъ.
 Лишь святости черты не выражали:
 Глаза огнемъ неистовымъ пылали,
 И грудь, волнуясь, поцѣлуй звала...
 Онъ былъ не папа—а она была.

Ну что же? просто дѣва молодая,
 Которой все богатство—красота!..
 И впрочемъ, замужъ выйти не желалъ,
 Что было ей таить свои лѣта?
 Она притворства хитрости не знала
 И въ этомъ лишь другимъ не подражала:
 Не все ль равно? Любить не ставитъ въ грѣхъ!
 Та—одного, та—многихъ, эта—всѣхъ!

Время сердцу быть въ покоѣ
 Отъ волненья своего,
 Съ той минуты, какъ другое
 Ужъ не бьется для него.
 Но пускай оно трепещетъ:
 То безумной страсти слѣдъ;
 Такъ все бурно море плещетъ,
 Хотя надъ нимъ ужъ бури нѣтъ!..
 Мой проступокъ передъ міромъ,
 Предъ людьми моя вина,
 Для которыхъ ты кумиромъ,
 Но не другомъ быть должна,
 И поклонниковъ ты встрѣтишь
 И, блистая предъ толпой,
 Межъ рабовъ ты не замѣтишь
 Для себя души родной.
 Неужли ты не видала,
 Въ часъ разлуки роковой,
 Какъ слеза моя блистала,
 Чтобъ упастъ передъ тобой?
 Ты отвергнула съ презрѣньемъ
 Жертву лучшую мою,
 Ты боялась сожалѣньемъ
 Воскресить любовь свою.
 Но сердечнаго недуга
 Не могла ты утаить:
 Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
 Чтобъ другъ друга позабыть..
 Такъ разсѣлись подъ громами,
 Видѣлъ я, въ единый мигъ,
 Поцѣженные вѣками,
 Два утеса береговыхъ;
 Но примѣтно сохранила
 Знаки каждая скала,
 Что природа съединила,
 А судьба ихъ развела.

* * *

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
 Не нуженъ въ мірѣ я;
 Хоть сердце тяжело, какъ камень,
 Но все подъ нимъ змѣя.